

Татьяна НИКОЛАЕВА

Небесная, незримая, живая
в душе опять затронута струна.
И словно не дышала, не жила я,
не поднимала взгляда ото сна

до этого мгновенья: штрих внезапный
летающей паутины по лицу,
и звон стекла разбитого, и запах,
томительный, знакомый с детства запах
листвы, прилипшей к мокрому крыльцу

барака — серого пятна в оправе
янтарно-золотых и алых крон...
И вспарывает небо крик ворон,
надсадный крик о подвигах и славе...

В САМЫЙ РАЗ

Мягче, ветер, мягче, — я без кожи, —
Не сдувай лицо с моей души.
Пусть оно и не нужно, но все же
Погоди немного, не спеши.

«Нет лица на ней» — не обо мне ли
Обронили фразу на крыльце?
Мне с утра жаленьем плешь проели,
И напрасно: дело не в лице.

В коже дело. Я два дня без кожи!
Ветер, ты затихнешь хоть на час?
Вон идет навстречу мне прохожий,
Он без сердца. Это в самый раз.

СКВОЗНЯЧКОМ

Я плетусь сквозь лето выхлопное,
И не диво, что гроза мне всласть.
Раскрываю, лишь мелькнет, окно я:
Заходи, небесная напасть!

Духота преследует повсюду:
Дома, в мире, в храме — духота!
Всюду вижу с ящичком Иуду
И не вижу, хоть умри, Христа!

Выхлопные мнения липучи,
Все едино — эти или те.
Рада даже самой дальней туче
В обложившей душу духоте.

Пусть она далекая, но где-то
Дождик... утешение... и ты
Сквознячком летишь в пространстве этой
Невообразимой духоты.

Осень. По дворам метут, сгребают,
Воскурают палую листву.
Осень.
Золотисто-голубая,
Я в нее вступаю наяву.

Может быть, снега еще остудят
Губ тепло и жар больной души.
Может быть, и счастье в жизни будет,
И утраты будут хороши.

Может быть. А может — не случится
Всё и всем положенное в срок.
Звон синицы в мысль мою стучится,
А любви не выучен урок.

Тишина под небом, и отрада —
Горький дым поблекнувшего дня...
Горько в сердце.
Но привыкнуть надо
К несуществованию меня.

НА ВОСТОК

Солнышко мое, свети-высвечивай
глянцевои, матовости дня.
Мне сегодня в Духе делать нечего,
позабавь поверхность меня.

Буду кляксой солнечного зайчика
трепетать, подпрыгивать и течь
по чертам того, что обозначено
светом, но не превратилось в речь.

Ласково, касательно, влюбленно —
в травки, птички, облачка — войду
в многолюдный воздух павильона
города, зачавшего беду.

Лишь когда закат прольется кровью
в кроны, крыш окрашивая жечь,
я своим барометром-любовью
уловлю отчаянную весть.

Так, сжимаясь сумерками в точку,
горлом осязая речи ток,
я живым беспомощным комочком
сердца устремляюсь на Восток.

ВЕЩИЙ

Чисто.
Выскребли газоны.
Будут травы
Скоро зеленью окрашивать пути,
По которым ходят правый, и неправый,
И совсем бесправный, —
Господи, прости!

Будут буйные душистые бурьяны
Подниматься и шаманить втихаря,
Этнографикой затагивая раны
Обреченного на волю пустыря.

И в грядущее входя путем окольным,
Сорнякам и беспризорникам сродни,
Будем семя сеять — вольный, и невольный,
И совсем безвольный —
Боже сохрани!

Это будет. Может быть. Сейчас же хлещет
Долгожданный, безутешный, проливной...
И отчаявшийся вран, почти что вещий,
С коркой хлеба пролетает надо мной.